

как формулярную грамоту. В том же сборнике Евфимия Туркова мы читаем послание к новгородскому архиепископу Макарию, написанное уже известным нам хутынским игуменом Феодосием (большим любителем подобного использования чужих литературных образцов) на основе разбираемой грамоты.³⁰ Феодосий вставил в послание упоминание о чудотворце Варлааме, о «храме святыне Софеа Премудрости божия» и о новгородских «мятежах местных», но оставил все обращения «к великому пастырю». Особенно заслуживают внимания различия между обеими грамотами, так как они подчеркивают то, что в нашей грамоте наиболее индивидуально и не могло быть использовано в другом произведении. Так, например, только в публикуемой грамоте упоминается, что некогда адресат «заповедню обявав», послал автора «в гостинницу — киновию Иосифову» и что автор, желая «честное лицо зрети», вновь прибежал к «господеви моему и владыце» принести «исповедание и покаание», ибо только ему он может «обнажити язвы» своей души. Кто мог написать это послание? В истории Иосифова Волоколамского монастыря мы знаем один случай, когда монах, постриженный в этой «киновии», Андрей Квашнин, покинул ее и сбежал в Кириллов Белозерский монастырь к своему сородичу, старцу (в течение некоторого времени и игумену) Кириллова монастыря Гурию Тушину; Тушин «повеле его скоро возвратити назад в обитель отца Иосифа».³¹ Квашнин, вероятно, знал Тушина «от пелен», и разбираемое послание вполне могло быть его посланием Тушину. Против этого, однако, говорит одно место послания: оправдываясь в своем бегстве, автор пишет, что он не мог «тръпети удаление от великого пастыря», ибо где «епископ, ту и священнй множество, ту аггел собрание». Это место (если только это не оборот, который надлежит понимать в каком-то переносном смысле) говорит как будто о том, что адресат послания был епископом, а Тушин епископом не был. Другим возможным автором послания мог быть монах и литературный деятель конца XV—начала XVI в. Нил Полев, который в свое время уходил из Иосифова монастыря в скиты близ Кириллова монастыря, а затем вернулся обратно (в связи с разрывом между нестяжателями и иосифлянами).³² Такое предположение согласовалось бы со словами в оглавлении Турковского сборника: «старца некоего Нила». Однако в этом случае оставалось бы не совсем ясным, перед кем и в чем кается Нил Полев. Адресат послания послал его в «киновию Иосифову», вряд ли это лицо имеет какое-либо отношение к заволжским скитам, куда совершил свой первый переход Нил Полев (о его «заволжском» происхождении нам ничего неизвестно); скорее это кто-то из Волоколамского монастыря (хотя и не сам Иосиф, ибо он упоминается в третьем лице), но тогда, очевидно, автор уже вернулся в Волоколамск к своему наставнику «от пелен», и ему следовало бы упомянуть об обоих своих переходах, чего в послании нет.

Некоторая загадочность обоих анонимных посланий ни в какой мере не снижает их историко-литературного значения и делает еще более нужной их публикацию. Перед нами, конечно, не послания Нила Сорского Паисию Ярославову, но два любопытных публицистических памятника приблизительно того же времени — конца XV—первой половины XVI в.

³⁰ Там же, лл. 91 об.—93. — Послание издавалось дважды: Древняя Российская Вивлиофика, ч. XIV. М., 1790, стр. 213; ДАИ, т. I. СПб., 1846, № 30.

³¹ ВМЧ, сентябрь 1—15. СПб., 1868, стлб. 495—497.

³² Ср.: Житие Иосифа, составленное неизвестным. — ЧОИДР, 1903, кн. III, стр. 20, Письмо о нелюбках. Прибавления к творениям святых отцов, т. X. М., 1851, стр. 506—507; Послания Иосифа Волоцкого, стр. 367—368.